

НАСЛЕДНИЦА ЛЕПЛА

ИСТОРИЯ, В КОТОРОЙ
ПРАВДА ОПАСНЕЕ
ЛЮБОЙ ЛЖИ

18+

Роман Шаров

Наследница пепла

«Автор»

2026

Шаров Р.

Наследница пепла / Р. Шаров — «Автор», 2026

Европа, XVIII век. В мире, где происхождение ценится дороже золота, а одно королевское имя способно изменить судьбу целых государств, появляется женщина, у которой слишком много имён и ни одного достоверного прошлого. Она умеет заставлять людей верить в невозможное. Богатые купцы отдают ей состояния, аристократы забывают о чести, а мужчины, привыкшие повелевать другими, сами становятся пленниками её чар. Но однажды в её руках оказывается документ, способный превратить очередную авантюру в борьбу за престол. Согласно старинному завещанию, у давно умершей русской государыни была тайная наследница. И, возможно, эта наследница — она. Кто она — гениальная авантюристка, несостоявшаяся наследница или женщина, чьё существование способно разрушить империю?

© Шаров Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА I. Тени Зимнего замка	6
ГЛАВА II. Венецианский карнавал и поцелуй Бездны	9
ГЛАВА III. Яд сомнения	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наследница пепла

НАСЛЕДНИЦА ПЕПЛА

ГЛАВА I. Тени Зимнего замка

Они наивно полагают, будто абсолютная власть — это триумф.

Какое жалкое, праздное заблуждение!.. Они видят лишь сияние золоченой кареты, шепот подобострастной толпы, тяжелый шлейф из горносталя, который несут шесть бледных камергеров, и бриллиантовую корону Империи, пылающую над моей головой в свете трех тысяч восковых свечей. Но они не знают ночи.

Они не ведают этой чудовищной, могильной тишины гранитных залов Зимнего замка, когда стрелки бьют четыре утра, а за гигантскими окнами стонет северная метель, разбивая ледяную крупу о темные стекла Невы.

В четыре утра я всегда одна.

Передо мной — стопы донесений, запах чернил, смешанный с гарью свечного нагара, и остывающий, чернейший кофе, от которого судорожно сжимается сердце. Я сплю по четыре часа в сутки. Я тяну лямку этой необъятной, сонной, жестокой земли уже больше десяти лет — словно каторжник на галерах.

Я ведь пришла сюда чужой. Нищей немецкой принцессой с одним чемоданом белья и колючим именем София-Августа. Я выучила этот тяжелый, грозный язык, я разбивала колени об этот холодный церковный помост, я схоронила супруга-императора — несчастного, бесноватого шута, чья тень до сих пор иногда мерещится мне в углах этой спальни... Я взяла эту дикую равнину голыми руками, вжав ее в повиновение каблуком офицерского ботфорта в ту душную июньскую ночь переворота!

И теперь они называют меня Великой. Государыня Аглая. Матерь Отечества.

Но эта земля никогда не спит спокойно. Она лежит под моим скипетром, затаившись, как раненый медведь, и только ждет повода перегрызть глотку поводырю.

На востоке догорает казачий бунт — мужицкий царь, беглый каторжник, объявивший себя моим «чудом спасшимся» мужем, водил за собой орды с кольями и топорами. Мы втоптали его бунт в грязь, его везут в железной клетке на плаху. Зверя из степей я укротила. Пушки и штыки умеют разговаривать с чернью.

Но сегодня ночью почта привезла мне не запах гари из уральских лесов.

Она привезла запах французских духов. Запах амбры, мускуса, пудры... и государственной измены.

Пакет из Парижа. Делеша от нашего тайного агента, зашифрованная двойным ключом. Я перечитывала ее трижды, поднося пергамент к самому пламени, и пальцы мои, привыкшие подписывать смертные приговоры не дрогнув, на миг похолодели.

Париж... Распутный, увядающий, великолепный вертеп Европы. Город, где женщины меняют любовников чаще, чем перчатки, а философы рассуждают о свободе, пока долги затягивают им петлю на шее.

И там, в этом карнавале тщеславия, появилась она.

Никто не знает, кто она. Ее называют то Виолантой, то принцессой де Франк, то диковинным восточным именем Лилит. Она возникла из ниоткуда, словно пена морская, ступила в салоны — и город сошел с ума.

Она швыряет золотом, которого не имеет. Она заставляет степенных банкиров подписывать фальшивые векселя, она превращает голландских негоциантов в нищих беглецов, а знатнейших французских шевалье — в цепных псов, готовых драться на дуэлях за один лишь взгляд ее огромных, раскосых, невероятно черных глаз. Агент пишет: в профиль она персиянка, тонкая, с дерзкой горбинкой на носу, с россыпью золотых веснушек, а на волосах ее — сложнейшие замки из шифона и драгоценностей.

Женщина-вихрь. Женщина-мотовка. Казалось бы — обыкновенная авантюристка галантного века! Сколько их гниет по долговым ямам Бастилии и Гента?

Но дальше... Дальше в донесении начинаются строки, от которых воздух в моей опочивальне стал душным.

Вокруг этой девки, в полутьме парижских гостиных, начали собираться русские.

Наши опальные вельможи. Но и не только опальные. Польские мятежные графы, чьи имения я только что конфисковала за бунт. Оскорбленные, жаждущие реванша, потерявшие родину аристократы. Они не просто волочатся за ее корсетом. Они шепчутся с ней в уединенных беседках Версаля. Они целуют ей пальцы с той странной, пугающей почтительностью, с какой целуют пальцы только законным владыкам.

Она держит голову так, словно с колыбели привыкла к поклонению. И агент доносит: кто-то из поляков обронил за бокалом венгерского, будто эта Лилит — вовсе не восточная принцесса. Будто в ее каретном ларце спрятаны копии императорских манифестов.

Будто она — тайная плоть от плоти покойной государыни. Дочь тайного ночного брака, законная наследница Северной Пальмиры, спрятанная в младенчестве и явившаяся теперь, чтобы потребовать то, что принадлежит ей по праву крови.

Я опустила письмо. Огонь свечи метнулся, бросив на мраморную стену гигантскую, изломанную тень моей короны.

Дочь покойной царицы?..

Слухи об этих детях ходили всегда. В полутемных коридорах старого дворца, за штофными портьерами, шептались о младенцах, рожденных втайне от фаворитов и увезенных в монастыри или за границу. Я сама знала, как легко родить тайное дитя и как трудно стереть его след.

Если эта женщина — просто талантливая шлюха, возомнившая о себе невесть что среди парижского угара, ее ждет полиция.

Но если за ее плечами встанут Версаль, польское золото и тайные враги внутри моей собственной гвардии...

Тогда это не кокотка.

Тогда это искра, летящая в пороховой погреб моей империи.

У нее есть то, чего у меня уже никогда не будет: слепящая молодость, красота, от которой мужчины теряют разум, и призрак законной крови, который так сладок русскому сердцу. Россия обожает самозванцев. Россия верит в «чудесно спасенных» больше, чем в законы и реформы!

Я подошла к тяжелому золоченому трюмо. Из зеркала на меня смотрела немолодая женщина. Взгляд тяжелый, не знающий пощады, складка упрямства у тонких губ.

— Ты опоздала, прелестное дитя, — негромко сказала я в пустоту залы. — Эту корону я не унаследовала. Я вырвала ее зубами. И тот, кто протянет к ней руку, потеряет не только надежду. Он потеряет голову.

С ней нельзя действовать открыто. Дипломатическая нота превратит эту безымянную тень в европейскую мученицу, Франция только обрадуется случаю поддержать претендентку на мой трон. Нет. Здесь нужен не суд.

Здесь нужен капкан.

Я вернулась к столу, взяла гербовый лист и вывела четким, летящим почерком:

«Графу Броневскому. Командующему Средиземноморской эскадрой. Ливорно».

Броневский... Мой верный гигант со страшным шрамом через всю щеку. Человек, чьи руки помнят переворот. Тот, кто утопил турецкий флот в огне и пепле и для кого в этом мире нет ничего святого, кроме моей воли. Только он способен расставить сеть, в которую эта бабочка влетит сама, ослепленная собственным тщеславием.

— Найди ее, Броневский, — прошептала я, запечатывая письмо горячим сургучом. — Узнай, чья она кровь. Очаруй. Разбей. И привези ее мне — живой или мертвой.

ГЛАВА II. Венецианский карнавал и поцелуй Бездны

Боже мой, какая это была ночь!..

Если бы вы только видели эту Венецию! Город, который медленно и сладострастно тонет в черной воде, как стареющая куртизанка в ванне с розовым маслом. В воздухе — этот неповторимый, дурманящий дух: гнилые водоросли лагуны, запах жареных каштанов, дорогой пудры, воска и близкого, неотвратимого греха.

Карнавал! Великое, спасительное безумие XVIII века! Только здесь, спрятав лицо под белой шелковой баутой, можно забыть, что где-то на свете существуют векселя, судейские крючки и тюремные решетки.

Они думали, что поймали меня во Франкфурте. Ха! Наивные немецкие бюргеры. Они явились в мой отель с судебными приставами, размахивая счетами за шелка, экипажи и бургундское, а нашли лишь пустые флаконы из-под духов и растерянного графа де Валькура, который сидел на полу и рыдал, прижимая к груди мою забытую бархатную подвязку.

Мужчины... бедные, слепые, доверчивые дети. Стоит только посмотреть на них снизу вверх, чуть приоткрыв губы, уронить слезинку на их кружевное жабо — и они уже несут вам ключи от своих шкапулок, закладывают родовые замки и называют своей богиней!

И вот я здесь. В этой черной, лакированной гондоле, скользящей по Большому каналу, словно гроб, обитый шелком.

Рядом со мной — мой верный шевалье, юный польский шляхтич Доманский. Мальчик с восторженными, собачьими глазами, который бросил ради меня полк, семью, честь и бежал за мной через Альпы. Он сидит у моих ног, сжимая в кармане последний золотой дукат, и ловит каждый вздох. Он думает, что любит меня. Нет, милый мой, ты любишь не меня — ты любишь этот золотой вихрь, этот флер тайны, которым я себя окружила!

На мне платье цвета лунной воды с глубочайшим, неприлично дерзким декольте, на лице — кружевная полумаска, расшитая речным жемчугом. В волосах — перья райской птицы. Я смеюсь, запрокинув голову, и пью холодное астровое вино прямо из горлышка тонкого хрустального флакона.

Но внутри... О, внутри меня все дрожит тонкой, натянутой струной.

Праздник кончается. Вино на доньшке. Золото растаяло. Завтра хозяин палаццо потребует плату за постой, завтра лодочники откажутся везти нас без платы, и эта прекрасная, хрустальная сказка рассыплется в прах, обнажив грязные камни долговой ямы. Я ненавижу нищету. Я физически задыхаюсь, когда вокруг меня нет шелка, когда слуги не кланяются мне в пояс, когда мир перестает кружиться вокруг меня!

И вдруг — толчок.

Наша гондола мягко стукнулась о борт другой лодки — тяжелой, бесшумной, занавешенной плотным черным сукном. Она возникла из тумана, словно призрак. Гондольер в черном капюшоне не произнес ни слова. Из недр соседней гондолы медленно показалась фигура в маске Чумного Доктора — этот жуткий кожаный клюв, пустые стеклянные глазницы, треуголка и перчатки из тончайшей лайки.

Доманский вскочил, схватившись за эфес шпаги:

— Кто здесь?! Прочь, или я проткну твою маску!..

Человек с птичьим клювом даже не шелохнулся. Он лишь сделал едва заметный жест белой перчаткой, и из темноты блеснули два пистолетных дула, направленные прямо в грудь моему глупому рыцарю.

— Сядьте, пан Доманский, — раздался из-под клюва голос. Глухой, с легким гортанным акцентом, безукоризненно французский, но с той холодной, стальной интонацией, кото-

рая бывает только у людей, привыкших повелевать армиями. — Не обнажайте сталь там, где говорят о миллионах.

Я замерла. Сердце упало куда-то в бездну, а затем забилося с бешеной, пьянящей силой. Опасность! Настоящая, большая опасность — моя единственная подлинная страсть.

— Вы невежливы, господин Доктор, — протянула я с ленивой усмешкой, поправляя перья в прическе. — На свидания к дамам не приходят с чумой на лице. Или вы привезли мне рецепт от карточных долгов?

— Я привез вам то, чего вы заслуживаете, сударыня, — ответил незнакомец.

Он протянул руку и опустил на бархатную подушку между нами тяжелую шкатулку из черного дерева, инкрустированную перламутром. Замок щелкнул. При свете факела, горевшего на носу гондолы, внутри вспыхнуло ослепительное, холодное пламя.

Золотые слитки. Пачки кредитных билетов амстердамского банка. И россыпь неограниченных изумрудов величиной с грецкий орех. Состояние! Целое графство, брошенное к моим ногам прямо посреди сточной венецианской воды!

У бедного Доманского перехватило дыхание. Он смотрел на это золото, как на дьявольское наваждение.

— Кто вы?.. — прошептала я, и пальцы мои невольно потянулись к холодному блеску камней. — Зачем это? Ни один мужчина не отдает столько золота, не потребовав взамен душу. Или... тело.

Маска Чумного Доктора качнулась — он беззвучно рассмеялся.

— Ваше тело, мадемуазель, прекрасно, но оно стоит куда дешевле этой шкатулки. А ваша душа принадлежит вам. Это скромный задаток. Подарок от тех, кто скорбит о разоренной Польше и ненавидит тиранку, узурпировавшую престол на Севере.

Он подался вперед. Кожаный клюв навис надо мной.

— Мы наблюдаем за вами из Парижа, дитя мое. Мы видели, как вы держитесь. Мы видели, как трепещут перед вами мужчины величайших фамилий. В вас есть то, чего нельзя купить за эти дукаты — царственная порода. Вы ходите, как королева. Вы расточительны, как королева. Так почему вы до сих пор прячетесь по чужим каретам?

— О чем вы?.. — дыхание мое стало прерывистым.

Он извлек из-под плаща свиток плотного пергамента, скрепленный шелковым шнуром.

— Одно письмо. Одно прошение на имя его величества турецкого султана в Константинополь. Мы просим для вас убежища, эскадру и признание ваших законных прав. Султан только и ждет предлога, чтобы объявить священную войну этой немецкой выскочке Аглае, которая грабит православные земли. Вам не нужно ничего делать. Только взять перо.

— И как же... — я сглотнула внезапно пересохшим горлом, — как я должна его подписать?

Незнакомец заглянул мне прямо в глаза сквозь круглые линзы своей маски. И в этом мертвом стеклянном взгляде отразились черные воды лагуны.

— Своим истинным именем, государыня. Подпишите: «Елизавета. Принцесса Всероссийская. Законная дочь покойной самодержицы, лишенная отечества и престола».

Тишина.

Только глухой плеск весла о воду да далекий, пьяный хохот с набережной Дзаттере.

Елизавета...

Слово упало в ночную воду, как брошенный камень. Доманский побледнел до синевы и медленно опустился на колени прямо в гондоле. Он смотрел на меня снизу вверх уже не с любовным вождением — в его глазах застыл священный, мистический ужас.

А я... Я почувствовала, как по коже пробежал ледяной огонь. Трон? Неужели я?.. Дочь императрицы?.. Я вспомнила темные коридоры приютов, странных персидских купцов, кото-

рые платили за меня золотом в детстве, шепот нянек... А вдруг это правда?! Ведь если в это поверю я — в это поверят все! Они поверят, потому что хотят верить!

Ветер с моря сорвал с меня кружевную маску и унес ее в черную воду канала. Мое лицо обнажилось перед ночью.

— Перо, — сказала я, и собственный голос показался мне чужим — гулким, властным, незнакомым. — Дайте мне перо, господин Доктор. И налейте мне еще вина.

ГЛАВА III. Яд сомнения

Господи, как пахнет эта старая бумага...

Она пахнет тленом. Засохшим клеем, мышиным пометом и угасшим ладаном. В подземных хранилищах Сенатского архива воздух настолько тяжелый, что пламя канделябра едва теплится, вытягиваясь в тонкую, чадающую нить.

Сюда не спускаются лакеи. Сюда не ступает нога ни одного министра. Только я. Одна, в простом темном шлафроке без кринолина и кружев, с волосами, собранными на затылке простой лентой, с пальцами, перепачканными вековой архивной гарью.

Великая монархиня, повелительница ста миллионов душ, роется в сундуках мертвецов, как воровка на кладбище.

Боже мой, какая ирония!.. Я перерыла всю отчетность Тайной экспедиции за пятьдесят седьмой, пятьдесят восьмой, шестидесятый годы... Время ее царствования. Время веселой, грозной, обожаемой народом Елизаветы.

Я помню ее. О, как отчетливо я помню эту женщину!

Она была огромной, великолепной, шумной, как осенний шторм. Она могла плясать на балу три ночи напролет в узких мужских панталонах, поражая иностранных послов царственной статью своих ног, а потом упасть на колени перед образом Казанской Богоматери и рыдать до кровавых пятен на лбу, замаливая плотские грехи. Она не терпела при дворе красавиц. Стоило фрейлине явиться с прической краше государыниной — ножницы! Ключья шелка, слезы, монастырский угол!

Она любила жизнь так яростно, так ненасытно... И она любила одного мужчину.

Алешенька. Ее пастух, ее ночной владыка, граф Разумовский. Днепровский казак с голосом серафима и черными кудрями, которого она вознесла из церковного хора прямо в свою альковную постель. Их тайный брак в маленькой церкви в Перово — о нем знал весь Петербург, хотя все закрывали глаза и прикусывали языки!

Я переворачиваю пожелтевший лист. Донесение тайного лейб-медика. Записи о внезапных «немочах» государыни.

Вот она — зима 1753 года. Императрица внезапно запирается в Царском Селе. Никаких приемов. Доступ к ее персоне имеет только граф и две безгласные немки-камеристки. Официальный манифест глухо возвещает о «тяжкой колике и простуде в груди».

Колика?..

Я сама женщина. Я сама дважды родила тайно в этих проклятых дворцах, когда ненавистный законный супруг играл в солдатики за стеной! Я знаю, как утягивают корсеты, как прячут живот под необъятными фижмами, как глушат крики роженицы подушками, пока оркестр в парадной зале гремит литаврами, заглушая стоны!

В ту зиму Елизавета лежала пластом четыре месяца. А потом... потом из Царского Села ночью выехала глухая кибитка в сопровождении четырех верных гусар. Куда? В сторону Ревеля? В глухие псковские монастыри? Или дальше — через границу, в туманные княжества Германии, где за горсть червонцев бедные курфюрсты спрячут любого августейшего бастарда?

Я прижала ладони к вискам. В голове гудело.

Неужели это правда?..

Этот вопрос обжигает меня, как каленое железо. Ведь одно дело — казнить бродяжку, девку из парижского вертепа, воровку, польскую наемницу! Закон на моей стороне, Европа поморщится и забудет.

Но что, если у этой Лилит... если у нее действительно в жилах течет кровь Петра Великого?!

Ведь русская земля — странная, юродивая, мистическая земля. Ей плевать на мои трактаты с Вольтером. Ей плевать на мои новые законы, на Академию, на победы под Фокшанами! Русскому мужику и русскому солдату нужно одно: «природный царь». Родная кровь.

Если эта девка ступит на русскую землю и объявит себя семенем обожаемой Елисавет — моя гвардия дрогнет.

Я знаю моих преображенцев. Я купила их водкой и серебром в шестьдесят втором, когда мы свергли мужа. Но то, что куплено однажды, может быть перекуплено вновь! Они посмотрят на ее черные глаза, на ее нос с горбинкой, вспомнят покойную матушку-царицу, перекрестятся истово и в одну ночь высадят двери моей опочивальни теми же самыми прикладами, которыми возвели меня на трон!

Трон подо мной зашатался. Не там, в Венеции, не в Париже — здесь, в этой душной тишине архива.

Я встала. Свеча метнулась, выхватив из мрака пыльное овальное зеркало в углу подвала. Я посмотрела на себя.

Лицо бледное, уставшее. Чужая кровь. Немецкая кровь. Умная, расчетливая, великая — но чужая.

— Нет, — прошептала я, и голос мой эхом раскатился по низким сводам. — Нет, Елисавет, ты не отнимешь у меня эту державу из гроба. Даже если ты родила ее. Даже если ты венчалась с ней на руках. Эта корона приросла к моей голове вместе с кожей и волосами. Я не отдам ее ветреной девке только за то, что господь наградил ее твоими глазами!

Я с силой захлопнула тяжелую дубовую крышку архивного сундука. Глухой удар прозвучал как пушечный выстрел. Пыль взметнулась серым облаком.

Пусть она будет хоть трижды царевной. На этой шахматной доске для нее осталась только одна клетка — каземат.

Я поднялась по винтовой каменной лестнице обратно в свои парадные покои. Там уже брезжил бледный, холодный рассвет. На золоченом столике лежало свежее донесение из Ливорно.

Граф Броневский докладывал: русская эскадра готова к выходу в море. Он сам — в Пизе. Ждет лишь окончательного приказа.

Я подошла к бюро, не смывая архивной грязи с пальцев. Взяла перо. Моя рука больше не дрожала. Страх ушел, осталась только холодная ярость.

«Броневскому.

Не имеет значения, кто она и чье имя носит. Если она продолжит мутить воду и сойдется с турками или мятежными панами — изловить. Заманить любым обманом, посулами, клятвами в любви, обещанием короны — мне все равно. Посадить на флагманский корабль в кандалах. Будет сопротивляться — камень на шею и на дно лагуны.

Аглая».

Я запечатала конверт своим личным перстнем с двуглавым орлом.

Теперь на сцену выходит мой верный палач со шрамом на лице.

Посылать Броневского... Боже мой, разве я не знаю, кого я спускаю с цепи?

Алексей Броневский. Мой страшный, преданный великан. Человек с чудовищной, развороченной шрамом щекой — след турецкой сабли, память о том аде, в котором он выжил, чтобы стать моим цепным псом. Это ведь он тогда, в душных Ропшинских покоях, закрыл глаза свергнутому императору.

Он потом приполз ко мне на колени — пьяный от ужаса, с дрожащими руками, пахнущий водкой и чужой агонией: «Матушка, виноваты!.. Не упомянули, заспорили за рюмкой... нет больше государя...»

Я не стала кричать. Я не отдала его под суд. Я подняла его с колен, вытерла ему холодный пот и сделала графом. Потому что на этой страшной земле, где под каждым золоченым троном

разверзается могильная яма, выживают только те, кто умеет делить со своими палачами не только власть, но и вину.

И вот теперь этот зверь на Средиземном море. Он ждет в Ливорно. Скучает среди итальянских палаццо, жжет порох на бесполезных салютах, тискает римских танцовщиц и тоскует по настоящей крови.

Я медленно опустилась в кресло. Свеча догорала, роняя густые, прозрачные слезы на сукно стола.

Почему эта мысль — мысль о девке из Венеции — сверлит мой мозг, как ядовитый червь?

Ведь сколько их было!.. Россия плодит самозванцев так же легко, как сорную траву после весеннего ливня. Смутное время, Лжедмитрии, тушинские воры, разинские ватаги... Каждый проходимец, нацепивший на шею медный крест и объявивший себя «чудом уцелевшим царевичем», собирает за собой десятки тысяч безумцев с топорами! Это проклятие нашей короны: русский народ никогда не верит живому, правящему царю. Но он готов расшибить лоб о землю перед царем-призраком. Перед тем, кто сбежал из могилы.

А она... Боже мой, донесения из Парижа и Венеции жгут мне руки! Она же не мужицкий вождь. Она опаснее.

В ней нет этой тяжелой, грубой плебейской злости. Она — мотылек. Но мотылек, который несет в своих тонких крыльях чуму.

Я представила ее себе. На миг закрыла глаза — и увидела: вот она идет по мраморным плитам венецианского палаццо. Ей едва за двадцать. Тело гибкое, натренированное танцами и постелями великих сластолюбцев. Этот персидский нос с надменной горбинкой, эта капризная, пухлая нижняя губа, эти огромные, влажные глаза цвета спелой маслины, которые обещают мужчине рай — и тут же толкают его в разорение.

Она держит в руках хрустальный бокал так, словно держит державу.

И самое страшное — она верит. В этом весь ужас таких натур! Простая мошенница дрожит перед полицией. Простая шлюха считает монеты в тайном чулке. Но великая авантюристка... о, она сама упивается собственной ложью! Стоит ей надеть соболиную шубку и приколоть фальшивую бриллиантовую звезду, как она уже забывает, в какой грязной харчевне родилась. Она искренне считает себя венценосной мученицей!

А рядом с ней — эти гиены.

Польские конфедераты. Огинские, Радзивиллы, беглые шляхтичи, потерявшие свои замки после раздела Польши. Они ненавидят меня лютой, бессильной ненавистью изгнанников. Они готовы целовать сапог турецкому султану, они готовы продать душу дьяволу, лишь бы вонзить кинжал мне в спину. И они нашли идеальное оружие.

Они не стали собирать армию — у них нет денег на полки. Они нашли женщину. Они взяли эту красивую, пустую, тщеславную чашу и влили в нее яд династического бунта.

— Манифест к султану... — прошептала я, комкая в кулаке кружевной платок. — Девка просит янычар у Блистательной Порты! Она обещает отдать туркам Крым, обещает вернуть полякам Литву и Смоленск... Раздает мою империю кусками, словно пирог на ярмарке!

Я резко встала и подошла к огромной карте империи, висевшей во всю стену.

Огромное тело державы. От ледяных фьордов Балтики до выжженных солнцем степей Тавриды, от польских застав до диких камчатских сопок. Миллионы верст молчаливой, темной земли.

И на всю эту громаду — одна я.

— Нет, милое дитя, — сказала я тихо, проводя ногтем по изгибу Днепра, туда, где Черное море встречалось с моими молодыми верфями. — Ты не получишь ни пяди. Ты думаешь, что вершить историю — это танцевать менуэты в Версале и пить шампанское в гондоле под серенады Доманского? История творится в крови, в грязи, в тайных приказах и ночных слезах, которых никто не смеет видеть!

Я снова взглянула на конверт, адресованный Броневскому.

Броневский не пощадит ее. Я знаю его волчью хватку. Он сыграет перед ней влюбленного дурака, он падет к ее ногам, он осыплет ее золотом русской казны, он пообещает ей флот, престол и собственное сердце... А потом захлопнет люк трюма.

И на мгновение — всего на одно краткое, стыдное мгновение — во мне шевельнулась женская жалость.

Ведь она так молода. Она так ослепительно прекрасна. Ей бы кружить головы венецианским дожам, разорять парижских ювелиров, рожать красивых бастардов от влюбленных герцогов и умереть где-нибудь в тихой вилле под Флоренцией в окружении слуг и цветов... Зачем она полезла на эту плаху? Зачем протянула свои холеные белые пальцы к короне, которая раскалена добела?!

Но жалость испарилась, как капля воды на раскаленном чугуне.

В политике нет места жалости. Есть только побежденные и победители. Если я пощажу ее — Европа решит, что я испугалась. Если я проявлю слабость — мои собственные генералы начнут присягать призракам.

Я позвонила в серебряный колокольчик. Дверь тут же бесшумно отворилась, и на пороге возник дежурный флигель-адъютант, замерев в глубоком поклоне.

— Курьера, — сухо приказала я, передавая ему пакет с сургучной печатью. — Самую быструю эстафету до Ливорно. Менять лошадей на каждой станции. Загнать хоть двадцать коней, но через две недели письмо должно быть в руках графа Броневского. Лично в руки. Ступайте.

Офицер исчез, как тень.

Я подошла к окну. Метель за стеклом утихла. Над шпилем Петропавловской крепости занималась блеклая, морозная петербургская заря — цвета сырого свинца.

Там, в казематах этой крепости, за глухими гранитными стенами, куда никогда не проникает солнечный луч, уже ждала пустая, сырая камера. С плесенью на сводах и железными кольцами, вбитыми в пол.

— Жди, красавица, — прошептала я навстречу поднимающемуся холодному рассвету. — Твой триумф будет коротким. А наша встреча — неизбежной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.